

© 2007 г. ЯН ЦЗЕ

ЗАБАЙКАЛЬСКО-МАНЬЧЖУРСКИЙ ПРЕПИДЖИН ОПЫТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В своей статье автор – китайский профессор, языковед-русист, декан факультета европейских языков Института иностранных языков Сямыньского университета КНР, описывает ранее не исследованный в работах современных лингвистов-креолистов языковой феномен – забайкальско-маньчжурский пиджин, сложившийся в последние 15 лет на граничащих с Китаем территориях Забайкалья, Приамурья и Дальнего Востока РФ в связи с интенсификацией в указанный период политических, торгово-экономических и культурных связей между двумя дружественными странами – Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Наряду с заявленной темой работы также рассматривается авторская гипотеза о происхождении лингвистического термина «пиджин», небезосновательно объясняющая его этимологию.

Предметом настоящей статьи является препиджин¹, сложившийся за последние 15 лет на российско-китайской границе, однако сначала мы хотели бы остановиться на этимологии термина *пиджин*. «Обычно считается, что он восходит к китайскому восприятию английского слова *business*; впервые он зафиксирован в 1807 году в применении к англо-китайскому пиджину (орфографически – *pigeon*)» [Беликов, Крысин 2001: 116]. Такая трактовка закрепляется в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [Виноградов 1990: 374], хотя некоторые исследователи утверждают, что происхождение слова *пиджин* до конца не выяснено. Дж. Холм, упоминая иные этимологии (от др.-евр. *pidjom* ‘обмен, торговля, компенсация’, от португ. *osiração* ‘бизнес’, от *beachee* – южно-тихоокеанского произношения англ. *beach* ‘побережье’), в качестве альтернативы предлагает португальское *baixo* ‘низкий’, использовавшееся для различения португальского пиджина (*baixo português*) от стандартного португальского. «В этимологизации *pidgin* от [baišo] нежели от [biznis] фонологических проблем не больше, а семантических меньше», – пишет Дж. Холм [Holm 1988: 9].

В действительности «китайское восприятие» (даже достаточно искаженное) слова *business* будет фонологически и орфоэпически (в соответствии с фонетической системой, правилами употребления фонем и правилами произношения аллофонов фонем в китайском языке) звучать следующим образом: *пи-цзы-ни-сы* или *пи-сы-ни-сы*, и вряд ли как-то иначе. Кроме того, восприятие англичанами восприятия китайцами английского слова *business* как этимон для именованного редуцированного варианта языка наталкивается на семантические сложности. А вот английское (либо другое европейское) редуцированное восприятие китайского выражения *пиджен / пичжэн – bizhen – 逼真* (в дословном переводе: «очень похожий»), на наш взгляд, вполне могло стать основой этого термина и по семантике, и по фонологическим характеристикам.

Встает вопрос, где впервые термин 逼真 мог быть применен к контактному языку. На наш взгляд, при сравнении исторических данных, получается, что термин *пиджин* обязан своим происхождением китайско-российским взаимоотношениям, возникшим на заре XVII века.

¹ Под препиджином мы понимаем начальную стадию развития пиджина, когда его грамматическая структура и словарь еще не вполне стабилизировались [Беликов, Крысин 2001: 116].

Принимаем во внимание то обстоятельство, что хронологически европейцы проникли в Китай гораздо раньше русских, например, знаменитый венецианский купец-путешественник Марко Поло прожил в Китае в XIII веке более 17 лет, в конце XVI – начале XVII появились и первые католические миссионеры (самый известный среди них – итальянский монах Маттео Риччи, предпринявший первую попытку перевода христианских учений на китайский литературный язык), однако следует признать, что для формирования контактного языка, каким по определению является пиджин, разрозненных и малочисленных на тот момент связей европейцев с китайцами было явно недостаточно для зарождения как самого языка, так и, соответственно, возникновения понятия *пиджин*.

Контактные языки, как известно, не создаются умышленно, а появляются в результате неудавшихся попыток выучить язык партнеров по коммуникации, причем контакты одних и тех же коммуникантов должны происходить массово и на протяжении длительного времени (хотя возможность спорадических связей и допустима для зарождения препиджина, но непременно необходим фактор продолжительности по времени). Однако о массовости контактов европейцев (включая и русских) с китайцами до конца XVII века говорить не приходится, поскольку исторически сложилось так, что имперский Китай всячески препятствовал проникновению чужеродного влияния на подданных императора поднебесной, считался самодостаточным во всех смыслах и позволял католическим миссионерам, которые прибывали в Китай в составе первых торговых экспедиций, заниматься проповеднической деятельностью только в ограниченных пределах. Массовая же торговля осуществлялась посредством «Великого шелкового пути» через среднеазиатских и персидских торговцев без прямого и тесного контакта китайских и европейских купцов. Первыми морскими портами, предоставленными европейцам (сначала португальцам, а позднее и голландцам с англичанами) цинским императорским двором для осуществления торговых операций, были Макао и Амой, но там не сложилось в то время какой-нибудь значительной основы для зарождения контактного языка в силу нерегулярности прибытия торговых судов в данные порты (один раз в полгода-год) и разноязычия корабельных команд, состоявших в основном из португальцев и испанцев, вступавших, в основном, в жестовые языковые контакты (при наличии минимальных звуковых способов общения) с местным населением. Говоря о местном населении Макао (Аомынь) и Амоя (Сямынь), следует также учитывать наличие в этих рыбацких портах по крайней мере трех вариантов китайского, относящихся к различным группам диалектов: миннаньхуа (группа минь), гуандунхуа (группа юэ) и путунхуа (северная группа), которые в описываемый период вполне могли восприниматься на слух иностранцами как совершенно различные языки, связь которых с китайским литературным языком – веньянем – не могла быть известна европейским морякам. То есть такого необходимого и обязательного условия, как существование единого базового языкового лексификатора в качестве предпосылки к зарождению пиджина не существовало.

Точно такая же ситуация складывалась и в Кантоне (Гуанчжоу), где на протяжении всего XVII века и в начале XVIII века цинский императорский двор разрешал вести прибрежную торговлю европейцам. Англичане же массово пришли в Китай, через посредничество Ост-Индской компании, только в XVIII веке, не считая отдельных мелких торговцев и миссионеров, и до начала «опиумной войны» (1840 год) имели слишком слабые позиции во всех отношениях, включая языковые контакты.

Первыми же европейцами, которые на систематической основе стали осуществлять контакты с китайцами, при изначальной языковой гомогенности с обеих сторон, были русские, которые пришли в Китай с севера в конце XVII века [Фицджеральд 2004]. В XVI веке Российская империя присоединила к себе обширные территории к востоку от Урала – Сибирь и Дальний Восток. К 1644 году (год начала правления маньчжурской династии Цин), проложив сибирский тракт и выйдя к берегам Амура, русские первопроходцы соприкоснулись с китайской цивилизацией. В 1652 году произошли первые столкновения двух государств, а в 1689 году в Нерчинске был подписан договор между Китаем и Россией о территориальном разграничении и далее – в 1727 году – этот договор был подкреплён ещё одним соглашением, подписанным в Кяхте. По одному из усло-

вий Нерчинского договора России было позволено основать в первой четверти XVIII века в Пекине православное подворье, названное впоследствии «Пекинской духовной миссией» и предназначенное первоначально для отправления религиозного культа взятыми в плен маньчжурским императором Канси жителями поселка Албазин и их потомками, а на границе, у русского поселка Кяхта и китайского поселка Маймачен² (нынешний Алтанбулак на территории Монголии) был создан пункт приграничной торговли между двумя империями.

Таким образом, в результате возникновения в приграничной полосе пункта торговли товарами повседневного спроса Кяхта – Маймачен, между двумя государствами начинают осуществляться и языковые контакты, имеющие прямое отношение к зарождению пиджина и его номинации. Социальная основа для появления препиджина в данных населенных пунктах, как нам представляется, была создана классическая, поскольку оба соприкасающихся друг с другом языка по своей природе были изначально гомогенны (русский разговорный язык с элементами просторечия и сибирских диалектизмов и китайский северо-восточный диалект – путунхуа), коммуникативная компетенция участников торговых сделок была на существенно низком уровне (в контакт вступали малообразованные, преимущественно неграмотные местные жители), а языковая ситуация вынуждала обе стороны активно и быстро усваивать «ситуативную грамматику» с тем, чтобы максимально облегчить речевое общение. Известно, что «препиджин возникает как компромисс между плохо усвоенным вторым языком начинающих билингвов и “регистром для иностранца”, который создается теми, для кого этот язык является родным. Выбор языка, на базе которого формируется препиджин, определяется сугубо прагматическими причинами: основой его становится тот язык, редуцированная форма которого по тем или иным причинам оказывается более эффективной для коммуникации. В результате большая часть лексики пиджина обычно восходит к одному из контактирующих языков; такой язык в креолистике называется **лексификатором**» [Беликов, Крысин, 2001: 116–117]. В нашем случае языком-лексификатором на языковом пространстве Кяхта – Маймачен выступил русский разговорный язык, в силу объективных социально-экономических показателей: в развитии и активизации торговли прежде всего были заинтересованы китайские купцы и мелкие торговцы. Многочисленные примеры из кяхтинского пиджина, исследованные и приведенные в работах лингвистов прошлого по данной проблематике, научно подтверждают, что языком-лексификатором выступил редуцированный русский разговорный язык с элементами просторечия и забайкальских диалектизмов. Прочитируем одно из первых упоминаний этого пиджина в «Московском Телеграфе», № 21 за 1831 г.

«Для многих странным покажется, что наши купцы, имея пребывание в Кяхте, с самого открытия пограничного торгова, в **1728 году** (выделено мною. – Я.Ц.), доселе не обращали внимания на Китайский язык. Но сие удивление скоро рассеется, когда представим себе, что сей язык, в правилах своих будучи совершенно противоположен нашему, недоступен к изучению без хорошего учителя, а Правительство не могло их снабдить оным, потому, что само имело недостаток в переводчиках, образовавшихся в Пекине. Зато изворотливые Китайцы не долго думали о трудностях нашего языка. Они сделали у себя постановление, чтобы каждый мальчик, предназначенный для торговых дел в Кяхте, по прибытии сюда, непременно обучался русскому языку. На сей конец в каждой лавке находится небольшой Китайский словарь, с Русским переводом, написанным китайскими буквами. Но как Китайский язык не имеет изменения в словах по окончаниям, и, сверх того, нет в нем созвучных слов, для топиического переложения наших слогов, имеющих по две и по три согласных букв, то из перевода приятелей образовалось особое Русское наречие, в кото-

² Необходимо отметить, что встречающееся в русской традиции именование поселка *Маймачин*, а вслед за ним и пиджина *маймачинским*, ошибочно. Китайское название должно передаваться как *Маймачен* (в дословном переводе: «город по продаже лошадей»), где последний слог обозначается по-китайски 城 ('город'), по принятой в русской китаистике транскрипции он должен передаваться как *чен*, в транскрипции пиньинь – *cheng*.

ром наши слова, обезображенные произношением, употребляются в том виде, как были внесены в словарь, без малейшего изменения по окончаниям».

«Хотите-ли видеть образчик торговых сношений на сем ново-Русском языке? Вот он:

1. Э-дин лю-ди бо-ли-ше-лэ
2. Ти-би, бу-ли-я-ти-л, я не ше-на-лэ
3. Ти-би ду-ва-л гао-ху-да хо-ди.
4. Ву-чи-ла бо-ли-ше-лэ
5. Ти гэ-кай ду-ва-л е-сы
6. Я ся-кэ ду-ва-л е-сы
7. Ти гэ-кай ду-ва-л на-ду
8. Э-ди-ка ду-ва-л я ня-на-ду
9. Ху-лао-ши ду-ва-л э-дай
10. Цай-на гао-ву-ли
11. Ли-ши-ка на-бу-ло-си
12. Э-дин ду-ва сы-лао-ву
13. Да-ляо-ка гао-ву-ли
14. Бу-ляо-ма цай-на гао-ву-ли
15. Ти ма-ла ма-ла бу-ли-бэй-вэй

Поняли ли вы что-нибудь? Вот вам буквальный перевод:

1. Один человек пришел.
2. Тебя, приятель, я не знаю.
3. У тебя товары когда придут?
4. Вчера пришли.
5. Ты (у тебя) какой товар есть?
6. Я (у меня) всякой товар есть.
7. Ты (тебе) какой товар надобно?
8. Этого товара я (мне) не надобно.
9. Хорошего товара подай.
10. Цену говори.
11. Лишка не проси.
12. Одно, два слова.
13. Далеко говоришь.
14. Прямую цену говори.
15. Ты мало-мало прибавь.

Хотя все почти Кяхтинские жители говорят с Китайцами на сем странном наречии, но вообще объясняются с затруднением, даже о предметах обыкновенных, от чего нередко происходят недоразумения и споры при совершении торговых сделок. В сем отношении открытие казенного училища для Китайского языка необходимо нужно в нашем месте» (цит. по [Скачков 1977: 141–144]).

Автор этого письма в журнале не представлен. П.Е. Скачков указывает на принадлежность данного (и других писем в редакцию журнала) о. Иакинфу (Бичурину)³. Он же обращает внимание на то, что один из упомянутых о. Иакинфом словариков «сохранился (Архив Ленинградского отделения ИВАН) и описан К.К. Флугом в “Кратком обзоре небуддийской части китайских рукописей Азиатского музея” (Библиография Востока. М., 1934, № 7, с. 92). Флуг пишет следующее: “Из рукописных словарей и пособий для переводчиков занимателен китайско-русский тематический словарь *Элосы фань юй*, предназначавшийся, вероятно, для китайских купцов. Вторая его часть состоит из отдельных русских фраз, переданных при помощи китайских знаков, причем значение этих фраз уловить иногда довольно трудно. Так, например, фраза, звучащая в пекинском произношении: *Ду-лу-гуай ма-нянь-эр нянь-ду*, означает *Другой манер (сорт) нету*, а *Ди-бя гэ-дао-эр-ли чи-лао-вэй-кэ* (Тебе который человек) – соответствует, вероятно, русскому *Откуда ты родом* и т.д.”» [Скачков 1977: 109, 315–316].

³ Никита Яковлевич Бичурин, в монашестве Иакинф, – известнейший российский китаевед, словесник, философ, его работы по истории и этнографии Китая также переведены и опубликованы на Западе.

Итак, китайско-европейские пиджины (южный пиджин-инглиш, северный кяхтинский пиджин) могли зародиться только при благоприятствующих языковых условиях, и хронологически кяхтинский пиджин старше своего собрата пиджин-инглиш, причем, старше не менее, чем на 100 лет. Это языковое явление вполне уместно охарактеризовать как «**очень похожий** на русский, на китайский язык, но ни тот, ни другой». Осмелимся высказать гипотезу, что именно здесь китайское словосочетание 逼真 *пиджен / пичжэн* («очень похожий, прямо как настоящий») впервые было применено для характеристики контактного языка.

Завершив изыскания о происхождении слова *пиджин*, перейдем собственно к исследованию заявленного в заголовке работы современного новообразования: *забайкальско-маньчжурского препиджина*.

Немного об историко-экономических предпосылках возникновения препиджина. В конце 80-х – начале 90-х годов XX века, в связи с улучшением отношений между Китаем и Россией и связанной с ними торгово-экономической ситуации, на довольно протяженной российско-китайской границе (около 4000 км) были образованы пункты пропуска российских и китайских граждан с целью продажи-покупки товаров повседневного спроса. 1992–1993 гг. были временем быстрого роста сначала бартерной, а позднее и денежной китайско-российской торговли, объем которой достиг 7,67 миллиардов долларов. В 1993 г. Китай стал вторым торговым партнером России, Россия стала седьмым торговым партнером Китая, а к осуществлению торговых операций с российской стороны приступили бывшие учителя, врачи, рабочие и служащие обанкротившихся в стихии рынка российских государственных предприятий и учреждений. В дальнейшем люди, занимающиеся данным видом деятельности, стали именоваться в русском языке «челноками», а этот тип бизнеса – «челночным». Обменивать товары российского и китайского производства разрешалось только в строго отведенных местах по обе стороны границы, такими территориями по реализации товаров в соответствии с международными соглашениями, подписанными правительствами КНР и РФ, в первое время стали населенные пункты: поселок Забайкальск (Читинская область) – г. Маньчжурия (Автономный район Внутренняя Монголия); г. Благовещенск (Амурская область) – г. Хэйхэ (пров. Хэйлуцзян); станция Гродеково (Приморский край) – поселок Суйфэнхэ (пров. Хэйлуцзян).

Осуществление торговли, зародившейся в данных населенных пунктах, требовало обязательного, хотя бы минимального, речевого общения «челноков» с обеих сторон, естественно, не владеющих языками друг друга. Немногочисленные переводчики, набранные в спешном порядке с прилегающих к границе территорий, не могли удовлетворить все более нараставший спрос, да и в силу предшествующего «холодного периода» в отношениях между СССР и КНР и связанного с ним погасшего интереса к взаимному изучению китайского и русского языков, их квалификация оставляла желать лучшего. Поэтому на первых порах в качестве переводчиков нередко использовались люди, знающие всего несколько слов и устойчивых разговорных конструкций по-китайски с российской стороны и сообразно данным обстоятельствам – с китайской. Почва для возникновения препиджина оказалась весьма благоприятной.

В данной работе (как видно из заголовка статьи) мы сосредоточимся на частичном исследовании только одного варианта из зародившихся на стыке русского и китайского языковых сообществ новообразований, дав ему название от номинации сопредельных населенных пунктов российско-китайской границы: *забайкальско-маньчжурского препиджина*, опыт полевого изучения которого мы и приведем ниже. Дальнейшие исследования, проведенные нами, убеждают нас в том, что и в других, означенных выше городах и поселках, происходили идентичные процессы формирования пиджина, а в результате перемещения вдоль границы субъектов речевого общения («челноков»), условной смежности торговых пунктов (купля-продажа разрешалась исключительно в данных точках), коммуникативного пересечения и смешения закупочных интересов (не продал в Маньчжурии, попытаюсь продать в Хэйхе и т.д.) как с российской, так и с ки-

тайской стороны, в этих населенных пунктах возник единый, с точки зрения социолингвистики, разговорный пиджин, обладающий схожими характеристиками. Почему же мы решили квалифицировать его как *препиджин*, а не *пиджин*? На наш взгляд, несмотря на относительную стабилизацию исследуемого языкового феномена, временной отрезок еще недостаточно велик для отнесения его к более продвинутой стадии развития контактного языка, нет и полной уверенности в его единообразии.

Учитывая то, что как с китайской, так и с российской стороны в речевое общение вступали прежде всего представители коренного населения близлежащих к границе населенных пунктов, обладающие в основной своей массе показателями смешения кодов: разговорных языков с местными диалектизмами, частичной интерференции языковой нормы, преобладания элементов просторечия в словаре участников коммуникации, но при этом изначально имеющих с каждой стороны гомогенную языковую основу, забайкальско-маньчжурский препиджин получил все классические признаки, определенные в работах лингвистов-креолистов.

Какие же это признаки? Во-первых, функциональное назначение препиджина, как средства для поддержания коммуникации между носителями его различных этнолектов, выполнило за пятнадцать лет свою основную коммуникативную задачу и конвергировалось в достаточно устойчивую структуру со своим неизменным лексическим набором языковых единиц, а процесс стабилизации, пройдя стадию сближения этнолектов с унификацией каждого из идиолектов (русского и китайского) под единый субстрат – препиджин, приобрел черты стойкого узуального стандарта. Во-вторых, напротив, отличительные знаки, отделяющие пиджины от языков с непрерывной историей, на поверку являются очевидными: структурные черты забайкальско-маньчжурского препиджина, которые свойственны практически всем известным, описанным в лингвистике пиджинам, имеют самые общие характеристики – упрощенный состав фонем и правил их применения в речевом общении, неотчетливо выраженная морфология и поверхностный, неглубокий синтаксис. Практические изменения в общей триаде, организующей язык в целом, коснулись лишь звуковой и лексико-фразеологической системы, оставив почти нетронутой грамматическую структуру в описываемом препиджине.

Проиллюстрируем сказанное на примерах. В забайкальско-маньчжурском препиджине довольно часто применяется обращение к девушке: *куня*. Говорит русский предприниматель в городе Маньчжурия, в ресторане «Марина» (по опросу – русский работает в торговом бизнесе данной зоны с 1991 г., китайский язык не знает, но использует, по его мнению, некоторые китайские слова и выражения): *Эй, куня! Гэй менэ тады кружку* (Эй, девушка! Поддай мне большую кружку). *Менэ* (мне – дат. падеж) – наиболее употребительная форма притяжательного местоимения в препиджине. Здесь и далее в примерах – все опрошенные участники коммуникации считают, что не владеют языками друг друга, а лишь «знают некоторые слова» из противоположных идиоэтнических языков, естественно, не подразумевая, что используют в речи словарный состав препиджина. Данное условие необходимо оговорить, руководствуясь принципом «чистоты опыта». Также следует сказать, что мы не стали останавливаться на подробном исследовании заимствований из лексического состава препиджина по принадлежности их к тому или иному языковому коду, поскольку данные изыскания потребовали бы дополнительного фактологического материала.

Китайский продавец (по опросу – не владеет русским языком, частично понимает русскую речь) обращается на рынке к русской покупательнице одежды, женщине 40–50 лет: *Куня! Ды дала менэ мало юань! Ната сто юань, женьминьби* (Девушка! Ты мне дала мало юаней! Надо сто юаней, китайских денег). *Юань* – китайская денежная единица, *женьминьби* – общее название китайской национальной валюты, оба слова произнесены в соответствии с нормами китайского разговорного языка.

Русский водитель микроавтобуса, работающий в торговой зоне более 10 лет, спрашивает у знакомого китайца о руководителе своей туристической группы – русской женщине: *Моя капитана – молодца, клёвая куня, а?* (Мой руководитель группы красивая девушка, а?). *Капитана* (от русского – капитан) – применяемое в забайкальско-мань-

чжурском препиджине название всех руководителей, начальников разных уровней, независимо от занимаемых ими должностей. *Молодцá* (от русского – *молодец* – хорошая, добрая, отзывчивая) – забайкальский диалектизм. *Клёвая* (красивая, обаятельная) – русский жаргонизм. Девиантное применение местоимения *моя* русским носителем языка использовано в соответствии с вариантами неустоявшегося окончательно стандарта препиджина: притяжательные местоимения мужского, женского, среднего родов и множественного числа произносятся как *мой/моя ѓфу* (одежда), *мой/моя кѹцзы* (брюки), *твой/твоя дру́га* (друг), *ваш/ваша капитáна* (начальник), *наш/наша маши́на*.

Китаец в шутку рассказывает о забайкальской (п. Забайкальск) девушке-подруге русскому приятелю: *Моя ку́ня вчера́сь напи́лася, бу́ чжидáo гыдѣ сы́ála* (*Моя девушка вчера напи́лась, не знаю где спáла*). *Вчера́сь* – забайкальский диалектизм; орфоэпически ударение у глаголов *напи́лась* и *спáла* применено сообразно русскому просторечию. В использованных иллюстрациях просматривается, что по лексическому составу, фонологическим, неустойчивым грамматическим нормам и синтаксису языком-лексификатором выступает интерферированный сибирскими диалектами (в большей степени – забайкальским) русский разговорный язык с вкраплениями китайской лексики, взаимно релевантный для субъектов двусторонних речевых актов. Участники коммуникации с российской и китайской сторон: «челноки» с многолетним стажем, водители микроавтобусов и грузовиков, владельцы и обслуживающий персонал гостиниц, ресторанов, баров и кафе, местные торговцы и бизнесмены (контингент которых постоянен) – используют слово *куня* в конкретных речевых актах регулярно и повсеместно, за исключением общения в этнически однородных группах. Необходимо заметить, что *куня*, восходящее к кит. 姑娘 – *гунянь* (*guniang*), означает ‘девушка’, но в китайской традиции в соответствии с нормами языкового этикета считается невежливым, а значит неприемлемо, адресовать данное обращение к незнакомой девушке. Нельзя сказать: «Девушка, дайте мне пачку сигарет», «Принесите, пожалуйста, свежее полотенце, девушка!», используя слово *гунянь*. В китайском языке принято называть молодую девушку *сяомей* (*xiaomei*) 小妹, *сяоцзе* (*xiaojie*) 小姐 и никак иначе. «Сяомей (сяоцзе), дайте мне пачку сигарет» – синтаксически обращение находится исключительно в начале предложения. Однако же в русском языке такая форма апелляции допустима: «Девушка, покажите мне вот эту кофточку», «Девушка, будьте добры, подайте мне соль», «Замените мне, пожалуйста, постельное белье, девушка» и т.д. В данной иллюстрации характерна одна деталь, подмеченная автором: некоторые впервые прибывшие в город Маньчжурию китайцы, следуя примеру своих опытных соотечественников, проживших в конвергентной зоне (в торговом районе по обе стороны государственной границы) много лет, также начинают использовать в разговоре данную форму обращения, подразумевая, что она относится к разновидности местного китайского диалекта. На самом деле, ни фонологически, ни орфоэпически, ни с точки зрения китайской грамматики не предусмотрено применение слова *кѹня* в данном употреблении, по-китайски оно звучит совершенно по-другому.

Еще один пример диалога на препиджине. Говорит китаец, ведущий торговлю в контактной зоне около пяти лет, обращаясь к русскому коллеге по бизнесу: «*Моя щас ходила лесто́лан, ела кыта́ски то́фу, лянца́й, мяса, пи́лоски, пи́ла цю-цю́ть водка – усие уку́сно, хэ́нь хао́тиши. Лесто́лан та ули́са, кода мы гуля́ли да́вно, чжидáo-ма? Я зы́нала – твоя́ любит кыта́ски ку́хня. Можит сие́дне вечелом погуля́ем – та́ма много луский ку́ня, кыласи́ва*» (Я сейчас ходил в ресторан, кушал китайский соевый творог, овощной салат, мясо, пирожки, немного выпил водки – все вкусно. Ресторан находится на той улице, где мы раньше с тобой отдыхали, помнишь? Я знаю – ты любишь китайскую кухню. Может быть, сегодня вечером посидим в этом ресторане – там много красивых русских девушек). Русский отвечает: «*Сѣ́дня вечелом мене́ надо е́хать Забайка́льск, капитана́ сказа́ла, за́втра погуля́ем, хао-ма?*» (Сегодня вечером мне нужно ехать в Забайкальск – начальник приказал, завтра посидим в ресторане, хорошо?). Кроме обсуждавшегося выше слова *куня*, в диалоге использованы следующие единицы китайского происхождения: *то́фу* – соевый творог; *ля́нцай* – китайский овощной салат; *хэ́нь хаот-*

иш – ‘очень вкусно’; *чжидао* – ‘знаешь, помнишь’; *хао* – ‘хорошо’; *ма* – вопросительная частица. Остальной словарный состав заимствован из русского языка в искаженном, редуцированном виде, а грамматически речевое общение строится без применения союзов, предлогов, частиц и с редким использованием междометий. Надо заметить, что поскольку в китайской фонетической системе отсутствует звук «р», то в препиджине он лабиализован, причем существует одна характерная деталь: некоторые носители русского языка в контактах с китайцами также употребляют лабиализованный согласный «р», оформляя его «под препиджин», в соответствии с узуальным стандартом данного пиджина.

Завершая наше исследование забайкальско-маньчжурского препиджина, необходимо сказать, что в дальнейшем в ближайшие несколько лет автором будет продолжена работа по проведению тщательного изучения заявленной темы по всем социолингвистическим направлениям с целью детального исследования всей языковой структуры данного новообразования. Автору представляется, что уже оформившийся в некий узуальный стандарт, но находящийся в настоящий момент на стадии раннего пиджина «новояз» может подвергнуться, с одной стороны, устойчивой стабилизации и последующей нативизации, а с другой стороны (если изменится нынешняя языковая картина), напротив – уходу в небытие. Однако, рассматривая складывающуюся ныне политико-экономическую ситуацию между КНР и Россией и связанные с ней социально-языковые условия на данном коммуникативном пространстве, можно предположить, что процесс пиджинизации получит дальнейшее развитие и расширение, поскольку в контакты начинают вступать представители более молодого поколения, которые выросли в забайкальско-маньчжурской конвергентной зоне и, в силу сложившихся жизненных обстоятельств, иного языка общения (за исключением родных идиолектов, которые применимы лишь для внутреннего пользования, но не за пределами русских и китайских языковых и этнических сообществ) они не знают, а возникновение двуязычия затруднено в связи с ограниченностью проникновения в данную зону обширного культурного влияния с обеих сторон, масштабного притока новых коммуникантов, обладающих знанием контактирующих языков и способных трансформировать пиджин в континуум или, наоборот, подвергнуть новообразование дивергенции. В первую очередь это связано с явлениями экономической конкуренции: постоянно действующие торговые партнеры с китайской и русской сторон крайне недоверчиво и ревниво относятся к новым предпринимателям, «выталкивают» последних с обжитых местными жителями торговых территорий, всячески препятствуя им в организации бизнеса, при этом предоставляя льготные условия для своих родственников, детей и знакомых, которые в свою очередь стремятся поскорее стать «своими», в том числе и через овладение препиджином. Но тем не менее при всех имеющихся трудностях все-таки постепенно происходит увеличение количества членов данного языкового сообщества за счет пополнения извне (вновь прибывающие также активно стремятся быстрее овладеть пиджином), что вселяет надежду на дальнейшее развитие забайкальско-маньчжурского препиджина, перехода его на более высокие стадии эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беликов, Крысин 2001 – В.И. Беликов, Л.П. Крысин. Социолингвистика. М., 2001.
Виноградов 1990 – В.В. Виноградов. Пиджины // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Скачков 1977 – П.Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
Фицджеральд 2004 – Ч.П. Фицджеральд. История Китая. М., 2004.
Holm 1988 – J.A. Holm. Pidgins and creoles. V. 1. Theory and structure. Cambridge, 1988.